

— Вы знаете, что это такое, господин Му? — спросила Цай Юньи, завороченно глядя на раскинувшиеся перед ней крылья.

Белоснежные перья, чуть приоткрытые, отливали чистым молочным блеском, словно в любое мгновение этот исполинский веер мог взмыть под потолок.

— Это крылья Адама, — доктор Цай перевела взгляд на Му Гэ и ровным голосом продолжила: — После того как он покалечил Му Лин, нам пришлось их ампутировать. Только так мы могли гарантировать безопасность его будущих Возлюбленных.

Му Гэ слушал ее с тяжелым, ледяным оцепенением. Сама формулировка причин казалась ему верхом цинизма. Адам давно стал главным достоянием корпорации, медийной звездой мирового масштаба, любимцем сотен миллионов. Разве жизнь одной-двух девчонок могла перевесить его ценность в глазах руководства? Рассказы о заботе и «наказании» выглядели нелепой, фальшивой ширмой. Му Гэ ни на секунду не сомневался, что Бэйчэнь способна замять любой скандал и похоронить любую информацию. Сколько у Адама было этих Возлюбленных на самом деле? Кем они были? Сеть жестко фильтровалась, выдавая лишь то, что выгодно корпорации. Попадая на виллу Радужного Моста, люди фактически исчезали для внешнего мира. Стали бы хозяева калечить свое главное сокровище ради бесправных игрушек? Не смешно.

— Вы лукавите, доктор Цай, — Му Гэ осторожно обошел шевелящийся под ногами пласт эмбрионов и поднял глаза к парящему под куполом источнику этого кошмара. — Проект, над которым вы работаете, не имеет к безопасности Возлюбленных никакого отношения.

Цай Юньи негромко рассмеялась.

— А вас действительно трудно провести, господин Му, — в ее голосе удивление сменилось искренним одобрением. — Что ж, Адам — это надежда всего человечества. Мы тратим колоссальные ресурсы на его содержание под замком не ради прихоти, а из-за уникального состава его крови. Вы ведь слышали о способности саламандр к регенерации?

Му Гэ читал об этом в научных статьях. Тритоны и саламандры — единственные среди позвоночных существа, способные отращивать утраченные конечности и органы, сохраняя вечную молодость клеток. Неужели Адам тоже...

— Способность Адама к регенерации превосходит возможности саламандры в двести раз, — добавила Цай Юньи. — И при этом генетически он максимально близок к человеку.

Му Гэ молчал. Смысл ее слов дошел до него мгновенно. Если ученым удастся завершить этот проект, человечество получит ключ к абсолютному бессмертию. Люди смогут жить вечно, не зная старости и дряхлости.

«Мир просто сойдет с ума, — подумал он. — Главы транснациональных корпораций и

продажные политики обретут вечную жизнь. Они будут безучастно взирать на то, как простые смертные угасают от старости и болезней, окончательно превратившись в касту бессмертных богов. Если человечеству суждено прийти к такому финалу, то Адаму... Адаму лучше вообще не существовать»

— Так вы пытаетесь клонировать его? — Му Гэ указал на шевелящиеся под крыльями розоватые комья плоти.

Каждое крыло Адама соединялось трубками с пятью примерно одинаковыми человекоподобными сгустками плоти, пугающе похожими на четырехмесячные человеческие плоды.

— Не совсем. Они и люди, и нет, — доктор Цай замороженно смотрела на жизнь за толстым стеклом колб. — Это новый биологический вид, выпестованный на крови Адама.

Му Гэ нахмурился.

— То есть?

— Чистое клонирование из клеток Адама раз за разом проваливалось, — Цай Юньи задумчиво прищурилась, воскрешая в памяти прошлые эксперименты. — На двенадцатом месяце эмбрионы неизбежно погибали. Очевидно, его период внутриутробного развития гораздо длиннее, чем у человека.

— Погибали... — прошептал Му Гэ. В глубине души он ощутил странное, почти постыдное облегчение.

— Именно. Сами по себе крылья не производят стволовые клетки регенерации. Они служат лишь своего рода инкубатором, способным поддерживать жизнь в течение года, но вырастить из них полноценного Адама невозможно. Поэтому мы внебрили человеческий геном в его клетки, пустив питательные вещества через кровеносную систему крыльев. Мы надеемся, что это поколение плодов удастся выносить до конца.

Му Гэ незаметно сжал кулаки. Самые настоящие эксперименты на людях. Пусть у этих зародышей еще нет разума, но подобные опыты грубо нарушали любые законы этики и права.

— Адаму необходимо регулярно приходить в Павильон Луны для забора крови. Это нужно, чтобы восполнять погибающие эритроциты в общей системе жизнеобеспечения эмбрионов. Ваша задача как его Возлюбленного — приводить его сюда в строго назначенное время, — доктор Цай наконец озвучила истинную цель его визита. Но именно это требование вызвало у Му Гэ волну яростного протеста.

— А если эти младенцы не выживут? — глухо спросил он.

— О, не беспокойтесь, биоматериал не пропадет даром, — Цай Юньи даже глазом не моргнула, словно говорила об утилизации пищевых отходов. — Их ткани переработают и пустят на омолаживающие сыворотки. Богатые клиентки выстраиваются в очередь на годы вперед. Даже остаточных следов регенерации в этой плоти достаточно, чтобы буквально подарить им новую кожу.

К горлу Му Гэ подступила тошнотворная, горячая желчь.

Та самая омолаживающая крем-сыворотка от Бэйчэнь, за которой охотились все светские дамы мира и которую невозможно было купить ни за какие деньги... Вот, значит, из чего её делали.

— Адам... Вы не должны больше брать у него кровь, — внезапно до Му Гэ дошло, почему Адам падал без сил и впадал в анабиоз. Его организм работал на пределе возможностей. Огромные порции еды, которые он поглощал, были отчаянной попыткой восполнить колоссальные кровопотери и ускорить регенерацию.

«Значит, его превратили в обычного донора? В бесправный живой источник сырья?»

Перед глазами Му Гэ всё поплыло. В полумраке, позади огромных «живых» крыльев Адама, проступили очертания еще четырех пар, подвешенных в ряд. Они были точно такими же по размеру, но выглядели иссохшими, потерявшими былой объем и лоск.

— Сами видите, без постоянного притока свежей крови крылья неизбежно увядают, — доктор Цай подошла ко второй паре инкубаторов. — Какая неземная красота. Даже в виде засушенных экспонатов они великолепны. И в нашем Павильоне Луны их уже пять пар.

Ее фанатичная гордость пугала. Му Гэ смотрел на нее и видел безумицу. То, что они творили с Адамом, походило на медленное, изощренное убийство ради сиюминутной выгоды. При этом руководство Радужного моста продолжало лепить из Адама идеальный фасад, используя его ангельский облик для укрепления власти и влияния корпорации.

Внезапно в голове Му Гэ вспыхнула жуткая догадка о судьбе предыдущих Возлюбленных.

«Крылья у него забирают раз в год. И Возлюбленные меняются ровно раз в год...»

— Где Адам? Я хочу видеть его, — Му Гэ резко развернулся и зашагал к выходу, не в силах больше смотреть на этот кошмар.

— Господин Му, вы должны понимать, какую ценность это исследование представляет для человечества! Он может спасти миллионы жизней... Не будьте так сентиментальны! — донесся до него громкий голос доктора Цай. — Безболезненного прогресса не бывает!

«Легко рассуждать о прогрессе, когда больно делают не тебе, — угрюмо подумал Му Гэ»

Пока они поднимались из подвала обратно на первый этаж, на Му Гэ лица не было. Раньше он злился на сестру, считая, что Му Лин просто ослепла от красоты Адама и добровольно заперлась в Радужном мосту, позабыв о семье. Но теперь стало очевидно: она скрывала от него бездну ужасающих тайн. Что сейчас происходит с Адамом? Если бы Му Гэ не уговорил его лечь добровольно, эти мясники всё равно усыпили бы его силой.

Му Гэ понимал, что пытается оправдать собственное бессилие, но только так он мог заглушить грызущее чувство вины.

Да и с какой стати Адаму было его слушаться? Они ведь были знакомы от силы два дня.

Му Гэ сам не заметил, как оказался в центре просторного холла первого этажа, посреди застывших чучел птиц.

Зачем на самом деле Адам сбрасывал своих Возлюбленных с высоты? Был ли это бунт против доноров или попытка спасти их от участи соучастников?

Му Гэ устоял на кружащееся перед глазами чучело золотого фазана. Голова внезапно потяжелела, перед глазами всё поплыло, и он почувствовал, как силы стремительно покидают его тело.

— Брат, я уже взрослая, хватит меня опекать, — раздался капризный детский голосок Му Лин. Но перед Му Гэ стояла его двадцатилетняя сестра.

Му Гэ попытался встряхнуть головой, смутно осознавая, что это сон. Му Лин склонилась над его кроватью, рассматривая его своими огромными, ясными глазами.

— Я очень тебя люблю, братик, но я ведь не могу всю жизнь просидеть у твоих ног.

Контраст между писклявым детским лепетом и её взрослым лицом выглядел пугающе нелепо.

— Я... — Му Гэ хотел ответить, но из горла не вылетело ни звука. Точнее, его собственные голосовые связки словно онемели, а когда он всё же выдавил слово, оно прозвучало низким, мелодичным голосом Адама.

— Ну же, Адам, пошли, — Му Лин весело помахала рукой куда-то ему за спину.

Му Гэ резко обернулся. Позади него, прямо на его постели, на коленях сидел Адам, нерешительно глядя на девушку. Му Гэ рванулся вперед, мертвой хваткой вцепился в его тонкое запястье и закричал:

— Тебе нельзя с ней идти!

Адам, на удивление, послушно кивнул и мягко улыбнулся.

Му Лин внезапно разрыдалась. Она ревела навзрыд, выкрикивая сквозь слезы:

— Как вы можете?! Почему вы меня бросаете?!

От этого истошного крика у Му Гэ раскололась голова, и он рывком открыл глаза.

Белоснежный потолок, инкрустированный граненым хрусталем, отражал яркий свет ламп. В нос ударил резкий, въедливый запах антисептиков. Му Гэ повернул голову. На соседней койке лежал Адам.

Кто-то придвинул их кровати вплотную друг к другу, превратив их в одно огромное ложе.

Этот прекрасный, опасный зверь всё еще находился под действием наркоза и спал на удивление безмятежно. Му Гэ долго всматривался в его идеальные черты лица, а затем осторожно коснулся его руки. Он нащупал тонкое запястье и повернул его ладонью вверх.

Как он и ожидал, на нежной коже с внутренней стороны отчетливо темнел свежий ряд аккуратных следов от игл.

<http://bllate.org/book/19663/2006515>